

УДК 902/904

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА СТЕПУШКА-2*

© В.И. Соенов, Н.А. Константинов, С.В. Трифанова

В работе публикуются материалы детских погребений некрополя Степушка-2, который располагался на правом берегу реки Урсул в Центральном Алтае. Могильник полностью раскопан археологической экспедицией ГАГУ в 2010 году. Памятник относится к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени. Всего изучено 33 погребения, содержащих костяки людей, из которых восемь – детские. Анализ особенностей объектов и инвентаря позволил выявить специфику элементов детского погребального обряда, отличающегося определенным образом от взрослого. Для древних людей детский обряд, кроме погребального назначения, имел, вероятно, и другой смысл: через совершение обусловленных обрядов при погребении ребенка члены сообщества пытались оказывать влияние на воспроизводство потомства в дальнейшем, надеясь на благополучное рождение и жизнь нового ребенка взамен умершего.

Ключевые слова: Алтай, детские погребения, гунно-сарматское время, булан-кобинская культура, Степушка-2.

CHILDREN'S BURIALS ON STEPUSHKA-2 CEMETERY

© V.I. Soenov, N.A. Konstantinov, S.V. Trifanova

The article deals with children's burials from Stepushka-2 cemetery. The burial ground is in the Ursul valley in the Altai Republic and refers to Bulan-Koba culture of Hun-Sarmatian time. In 2010, excavations were conducted at the cemetery and we studied 33 burials containing skeletons of people, of which eight – children. Analysis of funerary rite of children's graves showed that there were some features of the funeral rite of children. These features are indicative of the fact that the rites held during the burial of children, were aimed at further successful procreation.

Key words: Altai, children's burial, Hun-Sarmatian time, Bulan-Koba culture, Stepushka-2.

До недавнего времени гунно-сарматский период был одним из наименее изученных этапов истории Алтая. Однако за последние три десятилетия получен массовый археологический материал, исследование которого позволило приблизить понимание многих процессов, происходивших в ту пору. Тем не менее, еще остается большое количество вопросов, требующих изучения. Во многом их решение может ускорить рассмотрение и публикацию еще

неизданных материалов по указанному периоду, тем более что таковых имеется значительное количество.

В этом плане интересен памятник Степушка-2, исследованный нами в 2010 году. Пока опубликовано несколько сообщений и одна статья по его материалам [Соенов, 2010; Соенов, Трифанова, 2011; 2014а, б, в]. Некрополь Степушка-2, исследованный экспедицией ГАГУ, являлся западной половиной могильника булан-кобинской культуры. Восточную часть этого памятника, обозначенную как Степушка-1, раскопывала экспедиция АлтГУ [Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011]. На Степушке-1 барнаульскими археологами раскопано 19 могил с 20 погребенными. На Степушке-2 нами исследовано 64 объекта, из которых 33 – могилы, содержащие 34

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э.», № 14-11-04002а(р); «Алтайский традиционный костюм в исторической ретроспективе» № 14-11-04003а(р).

погребенных. В числе раскопанных объектов было также два кенотафа и одно разграбленное погребение. Таким образом, памятник изучен полностью, что позволяет получить представление об основных элементах погребального обряда одной из групп населения гунно-сарматского времени, оставившей это кладбище. На Степушке-2 нами было исследовано восемь детских погребений, которые рассмотрим в публикуемой работе.

Описание

Памятник Степушка-2 расположен в Онгудайском районе Республики Алтай, на северо-западной части правобережной террасы Урсула, в 5 километрах выше от места ее впадения в Катунь. Географически район расположения могильника относится к Центральному Алтаю.

По принятой в антропологии и медицине периодизации к детскому возрасту относят индивидов до 11 лет (девочки) и до 12 лет (мальчики) [Хрисанфова, Перевозчиков, 2005, с. 130]. С 12–13 лет наступает подростковый период. К категории детских погребений на памятнике Степушка-2 относятся восемь погребений, зафиксированных в объектах 2, 16, 17, 18а, 18, 20, 21, 22. Возраст погребенных детей, в тех случаях, когда удалось его установить (семь погребенных), варьирует в пределах от 1,5 до 11 лет¹. Далее приведем описание обозначенных объектов.

Объект 2. Курган. Находился в северной части могильника. Насыпь овальной в плане формы, размерами 3,2 x 2,35 м, длинной осью ориентирована по линии запад-восток (рис. 1). Сложена преимущественно из рваных камней и гумусированной супеси со щебнем. По периметру кургана зафиксирована крепиды размерами 2,7 x 2 м, сложенная из крупных рваных и окатанных камней. Могильная яма смещена в восточную часть кургана, размеры 1,4 x 0,7 м, глубина – 0,3 м. В яме зачищен костяк ребенка десяти лет (скорее всего, девочки), ориентированного головой на за-

пад. Костяк лежал вытянуто на спине, руки положены вдоль тела. В погребении обнаружен инвентарь, представленный изделиями из железа и кости (рис. 2). На шейных позвонках зафиксированы окислы бронзы. Железные изделия имели плохую степень сохранности и практически не поддаются идентификации. Лучшую сохранность демонстрируют костяные изделия. Так, были зафиксированы подвески из зубов марала; плоская пятиугольная подвеска, орнаментированная небольшими округлыми углублениями; костяная орнаментированная щеточка. Справа от погребенной, в районе плечевой кости, находились поясничные, крестцовые и хвостовой позвонки овцы².

Объект 16. Кольцо. Объект располагался в центральной части могильника. Юго-западной стороной кольцо примыкало к насыпи кургана 15. Камни кольца сохранились только в юго-западной части. Могильная яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориентированная по линии юго-запад – северо-восток (рис. 3). Размеры ямы 0,8 x 0,35 м, глубина – 0,24 м. В юго-западной части могильной ямы зафиксированы вертикально поставленные каменные плиты. Скорее всего, это сохранившиеся части комбинированной каменно-деревянной внутримогильной конструкции. В яме зачищен костяк ребенка трех лет, положенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. Предметов инвентаря в погребении не обнаружено.

Объект 17. Кольцо. Находилось в центральной части могильника. Кольцо вытянуто-овальной в плане формы, размерами 3,4 x 2 м, длинной осью ориентировано по линии северо-восток – юго-запад (рис. 4). Сложено из крупных рваных камней. Размеры могильной ямы 1,8 x 0,7 м, глубина – 0,24 м. В яме зачищено парное захоронение женщины 35–40 лет с ребенком 11 лет (рис. 5). В изголовье зафиксирована вертикально стоящая каменная плита. Оба костяка ориентированы головой на северо-восток. Скелет женщины, положенной вы-

¹ Авторы выражают признательность канд. ист. наук, заведующей кабинетом антропологии АлтГУ Светлане Семеновне Тур за половозрастные определения костяков погребенных.

² Авторы выражают признательность канд. биол. наук, заведующему лабораторией кафедры зоологии и экологии КемГУ Сергею Степановичу Онищенко за остеологические определения.

тянуто на спину, располагался в северной половине ямы. В южной половине ямы находился костяк ребенка, уложенного на правый бок. Спиной умерший был привален к южной стене ямы. У правого бедра костяка женщины зачищены фрагменты железных изделий, а между ступнями – фрагменты керамики. В центральной и западной частях ямы зафиксирован древесный тлен и фрагменты древесины.

Объект 18. Кольцо. Находилось в центральной части могильника. Кольцо вытянуто-овальной в плане формы, размерами 2,3 x 1,5 м, длинной осью ориентировано по линии северо-восток – юго-запад (рис. 6). Сложено из рваных камней крупных и средних размеров. В южном секторе кольца зафиксирован каменный ящик, перекрытый каменными плитами (рис. 7). Размеры ящика – 0,97 x 0,34 м. В ящике на глубине 0,3 м зачищен костяк ребенка двух лет, ориентированного головой на восток. Сохранились только кости черепа и фрагменты трубчатых костей ног (рис. 8). Предметов инвентаря в погребении не обнаружено.

Объект 18а. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь вытянуто-овальной в плане формы, размерами 2,2 x 2 м, длинной осью ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 9). По периметру насыпи зафиксирована крепиды, сложенная из крупных рваных камней. Размеры крепиды 1,7 x 1,6 м. В центральной части кургана зафиксирована могильная яма вытянуто-овальной формы, перекрытая каменными плитами. Размеры ямы – 1,2 x 0,45 м, глубина – 0,2 м. В яме зачищен костяк ребенка полутора лет, ориентированного головой на восток. Сохранились только кости черепа и фрагменты трубчатых костей рук. Под плитами перекрытия в восточной части ямы зафиксирован фрагмент дерева и древесный тлен (остатки внутримогильной конструкции?). Под черепом обнаружена небольшая бусина (рис. 13. 7).

Объект 20. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь округлой в плане формы, размерами 2 x 2 м, сложена из рваных камней (рис. 10). По периметру насыпи зафиксирована крепиды из

крупных рваных камней. Размеры крепиды 1,8 x 1,4 м. Могильная яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориентированная по линии запад-восток. Размеры ямы 1,1 x 0,45 м, глубина – 0,3 м. Яма сужается ко дну. В яме зачищен каменный ящик, в котором находился костяк ребенка двух лет, положенного вытянуто на спину, головой на восток. Сохранились кости черепа, трубчатые кости, ребра правой стороны. У черепа зачищены бусины цилиндрической и подцилиндрической формы разных размеров и одна большая круглая бусина, орнаментированная продольными линиями. В области пояса зачищена железная панцирная пластина, фрагменты железных изделий и бусина (рис. 13. 1–6, 12–14).

Объект 21. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь круглой в плане формы, размерами 1,9 x 1,7 м (рис. 11). Сложена из рваных камней и гумусированной супеси со щебнем. В северной части насыпи зачищена половина каменного жернова из слоистого сланца (?) (рис. 14. 1) и фрагмент кости животного. При зачистке насыпи в восточной части обнаружен фрагмент стенки керамического сосуда (рис. 13. 15). В насыпи зафиксирована крепиды из крупных рваных камней. Размеры крепиды – 1,2 x 1,1 м. Под насыпью в центре кургана зафиксирована могильная яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориентированная по линии запад – восток. Размеры ямы – 0,9 x 0,45 м, глубина – 0,24 м. Яма сужается ко дну. В яме находился каменный ящик, сложенный из плит. В ящике, на глубине 0,4 м, зачищены фрагменты костей черепа ребенка. В погребении предметов инвентаря не обнаружено.

Объект 22. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь овальной в плане формы, размерами 2,1 x 1,6 м, длинной осью ориентирована по линии запад – восток (рис. 12). Сложена из рваных камней. В южной части насыпи зачищена половина каменного жернова из песчаника (?). Под насыпью зафиксирована крепиды, сложенная из крупных рваных камней. Размеры крепиды 1,3 x 1,3 м. В северной части кургана зафиксирована яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориен-

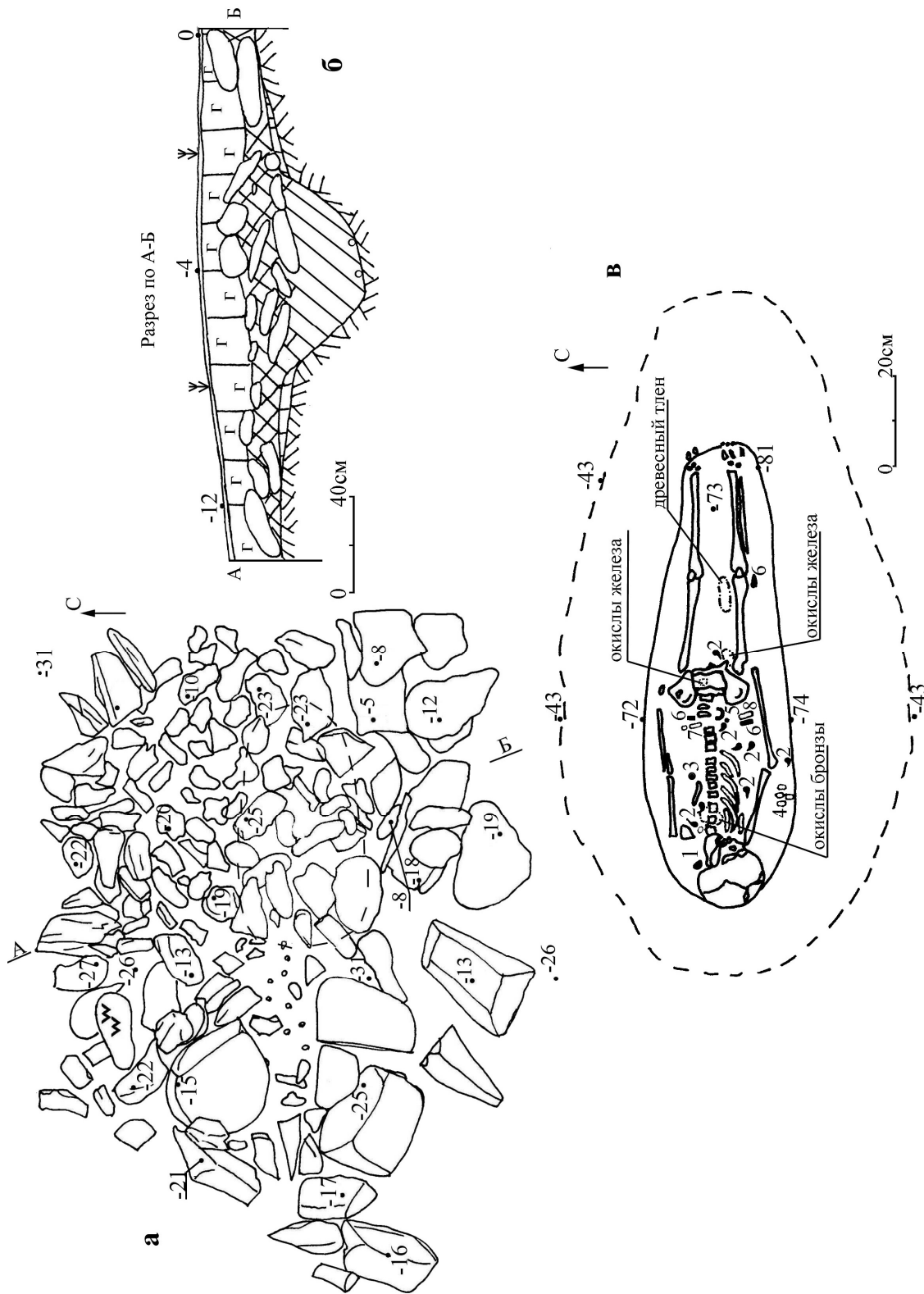

Рис. 1. Могилище Спешуника-2. Объект 2. План и профиль насыпи и погребения:

1 – фрагмент железа; 2 – костяные подвески; 3 – фрагмент железа; 4 – кости животного; 5 – железная пряжка; 6 – фрагмент железного изделия; 7 – костяное орнаментированное изделие; 8 – костяная туалетная щеточка

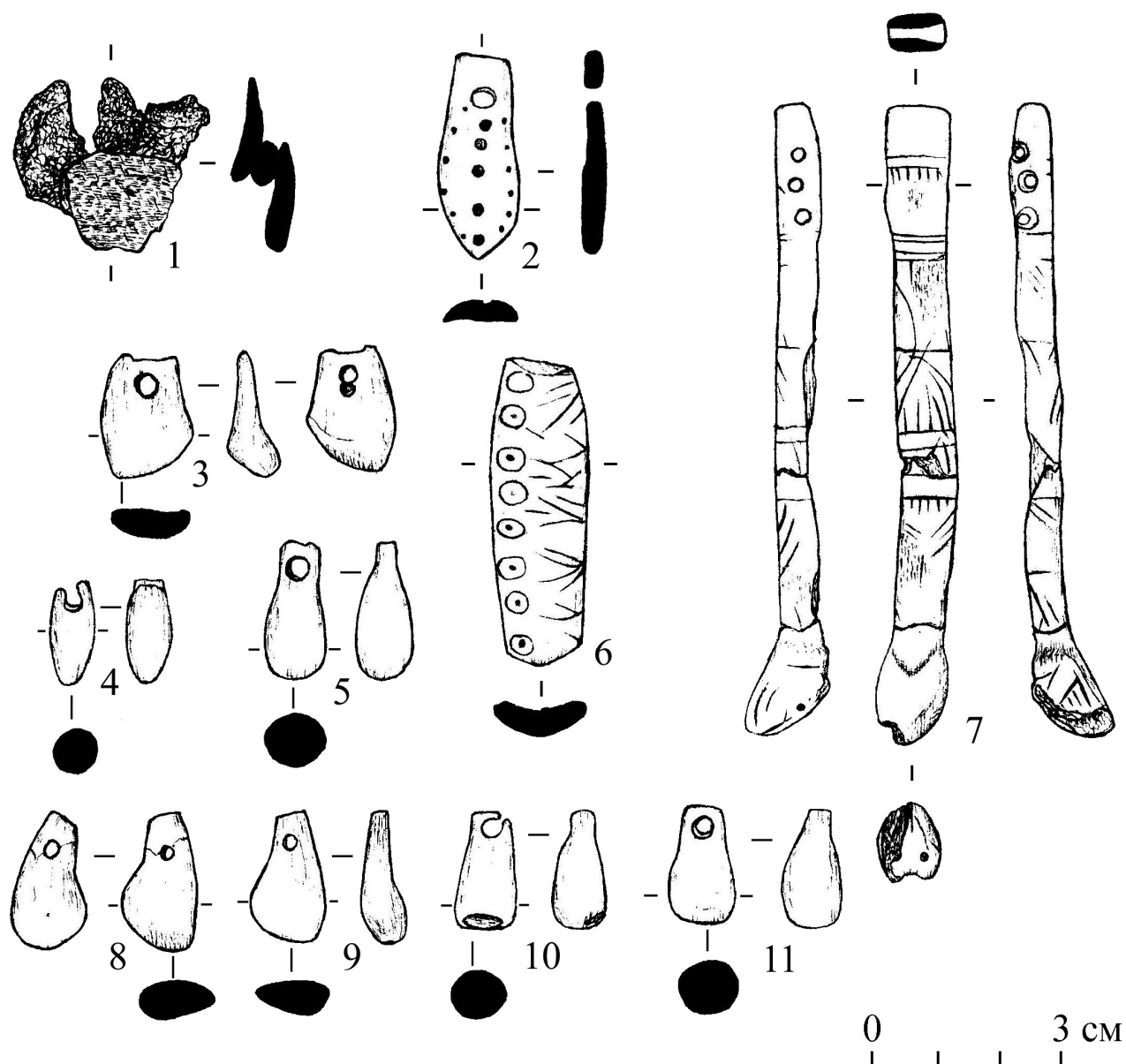

Рис. 2. Могильник Степушка-2. Объект 2: 1 – фрагменты железной пряжки; 2–5, 8–11 – подвески из кости и зубов; 6 – костяная пластинка; 7 – костяная щеточка

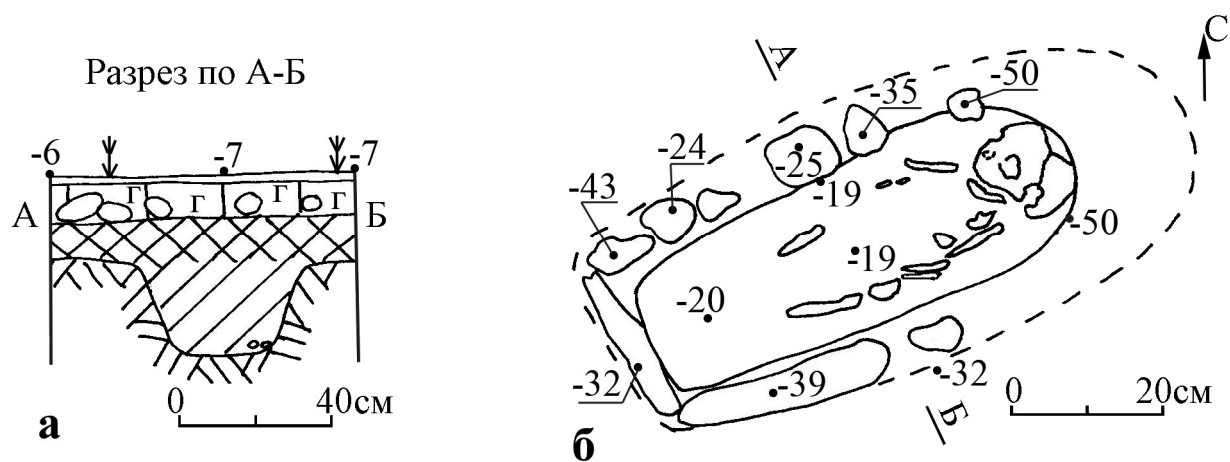

Рис. 3. Могильник Степушка-2. Объект 16. План и профиль насыпи и погребения

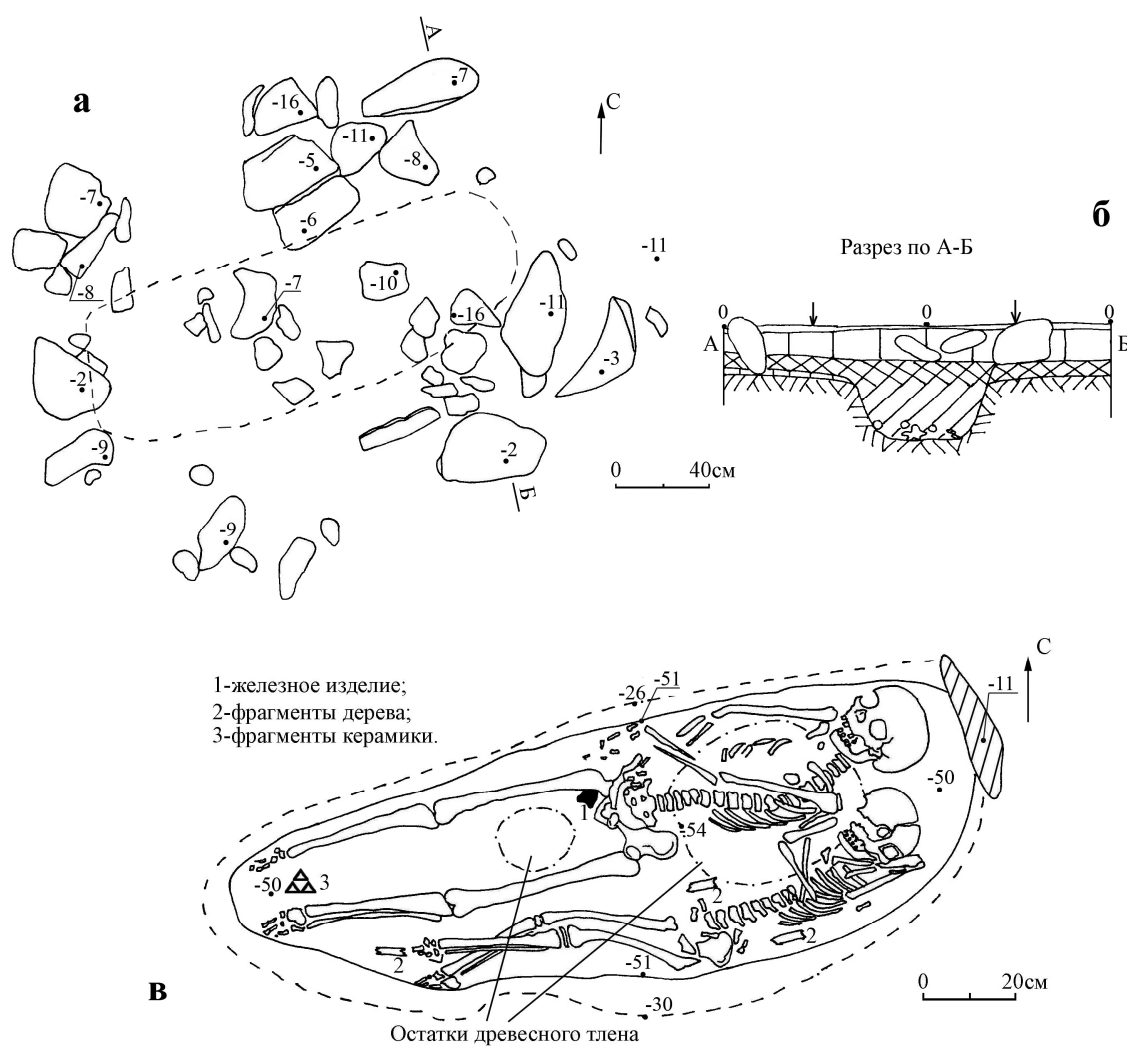

Рис. 4. Могильник Степушка-2. Объект 17. План и профиль насыпи и погребения

Рис. 5. Могильник Степушка-2. Объект 17. Парное погребение женщины с ребенком

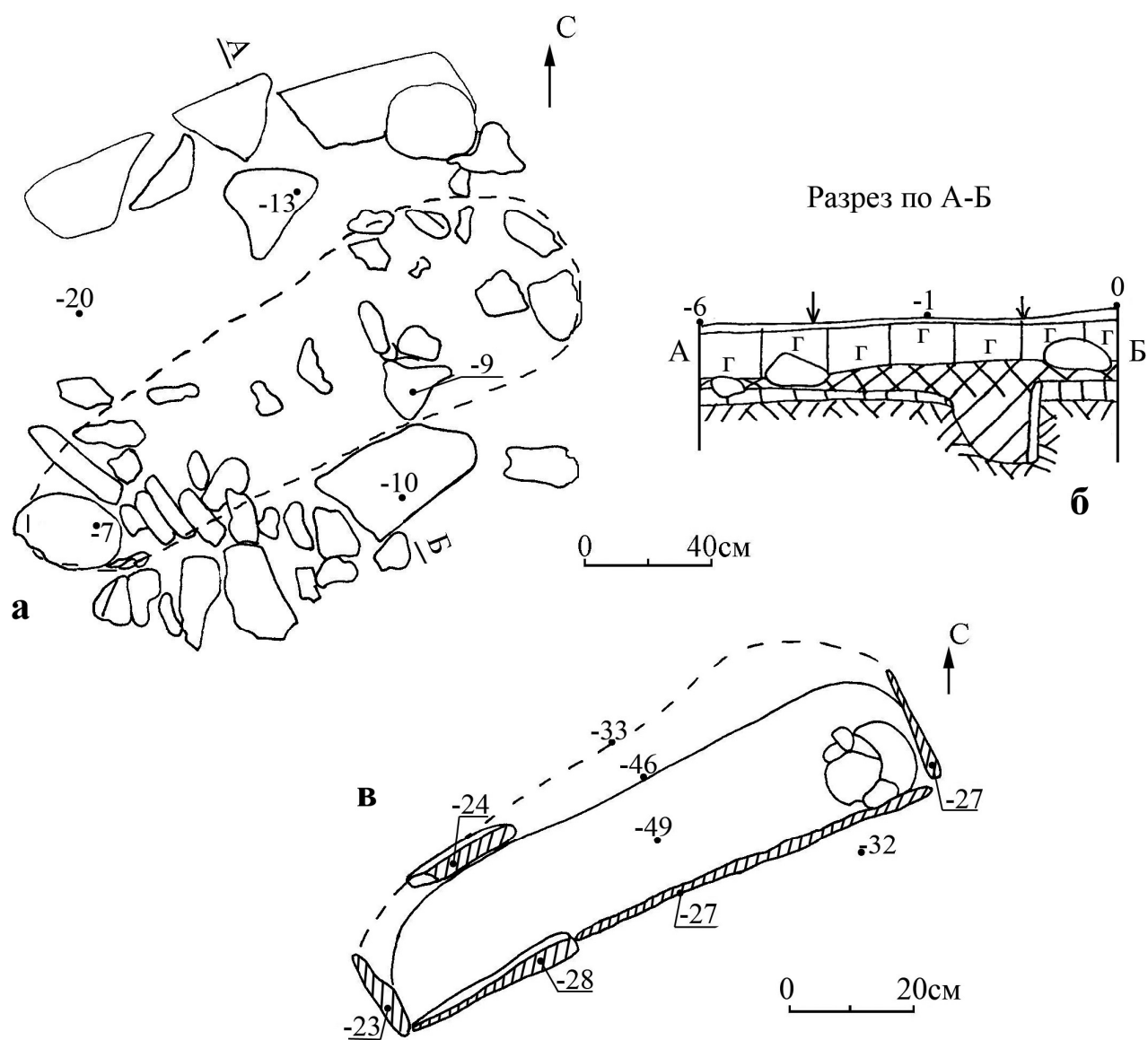

Рис. 6. Могильник Степушка-2. Объект 18. План и профиль насыпи и погребения

Рис. 7. Могильник Степушка-2. Объект 18. Перекрытие каменного ящика

Рис. 8. Могильник Степушка-2. Объект 18. Погребение в каменном ящике

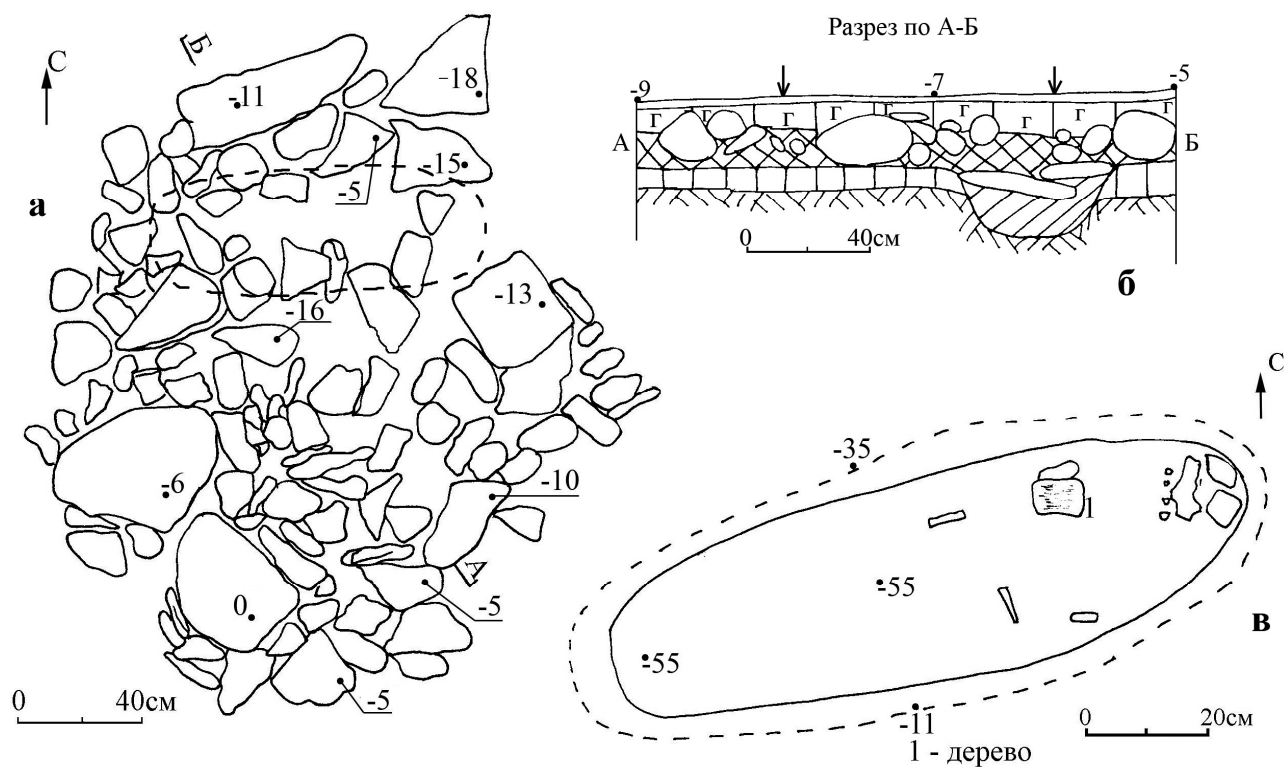

Рис. 9. Могильник Степушка-2. Объект 18а. План и профиль насыпи и погребения

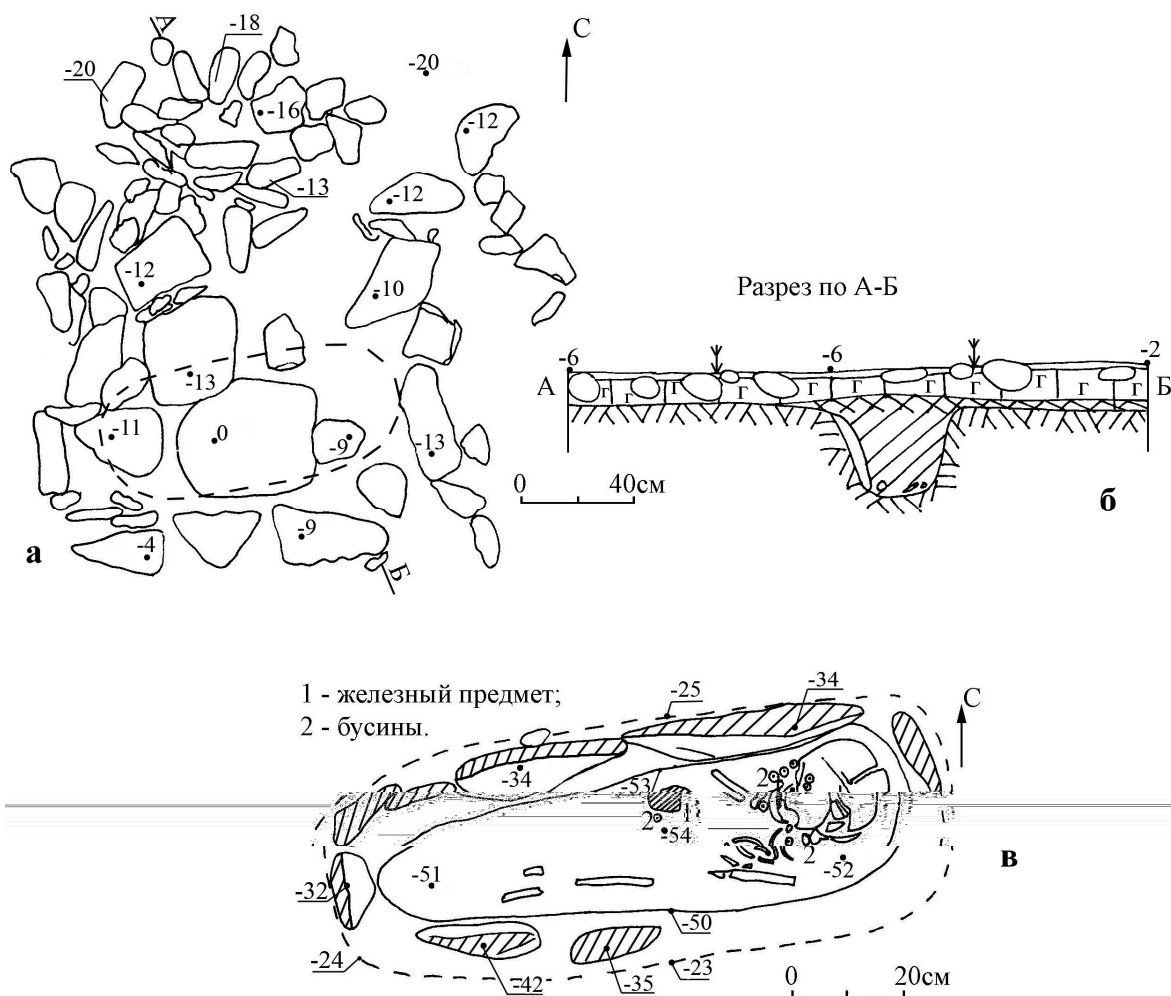

Рис. 10. Могильник Степушка-2. Объект 20. План и профиль насыпи и погребения

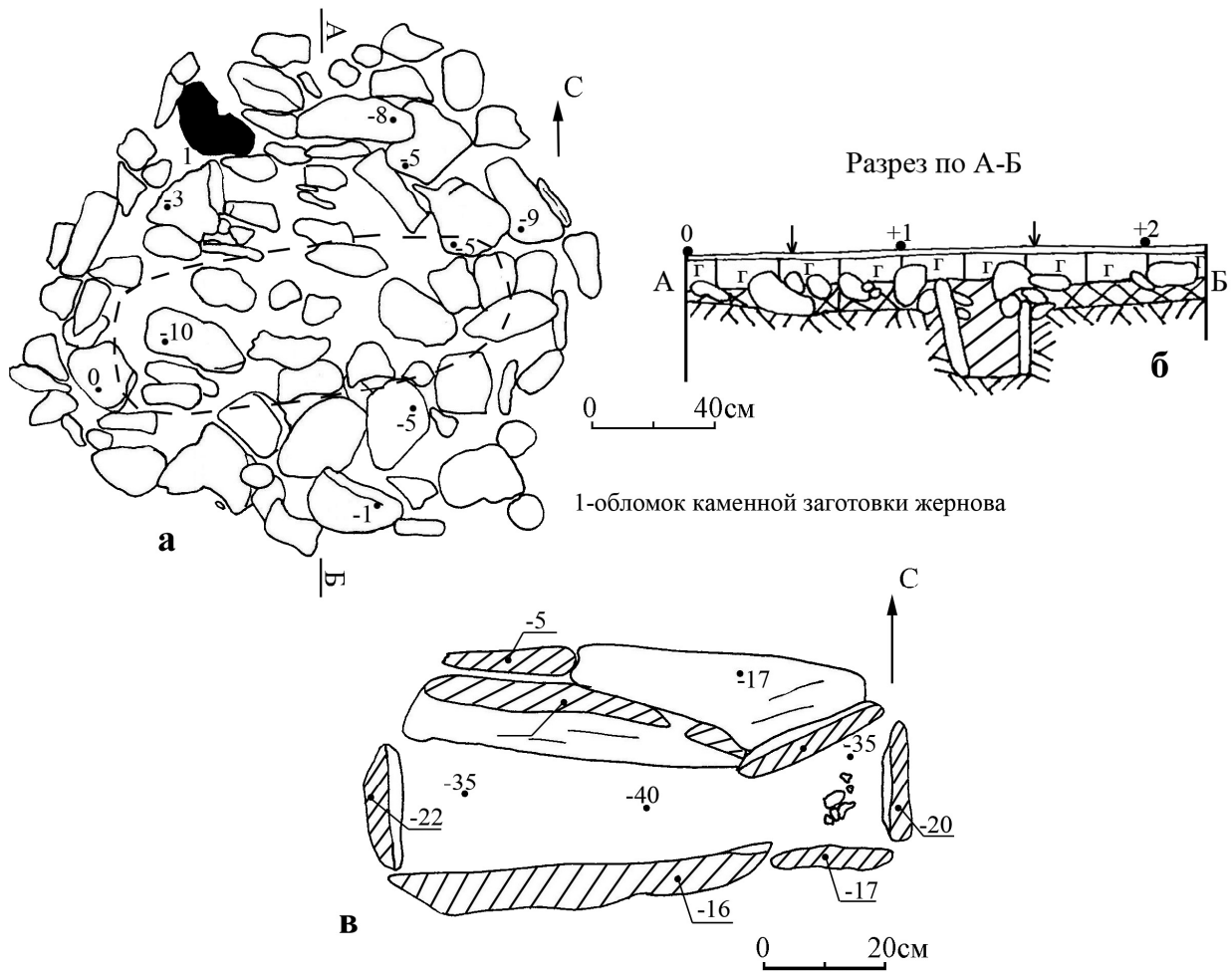

Рис. 11. Могильник Степушка-2. Объект 21. План и профиль насыпи и погребения

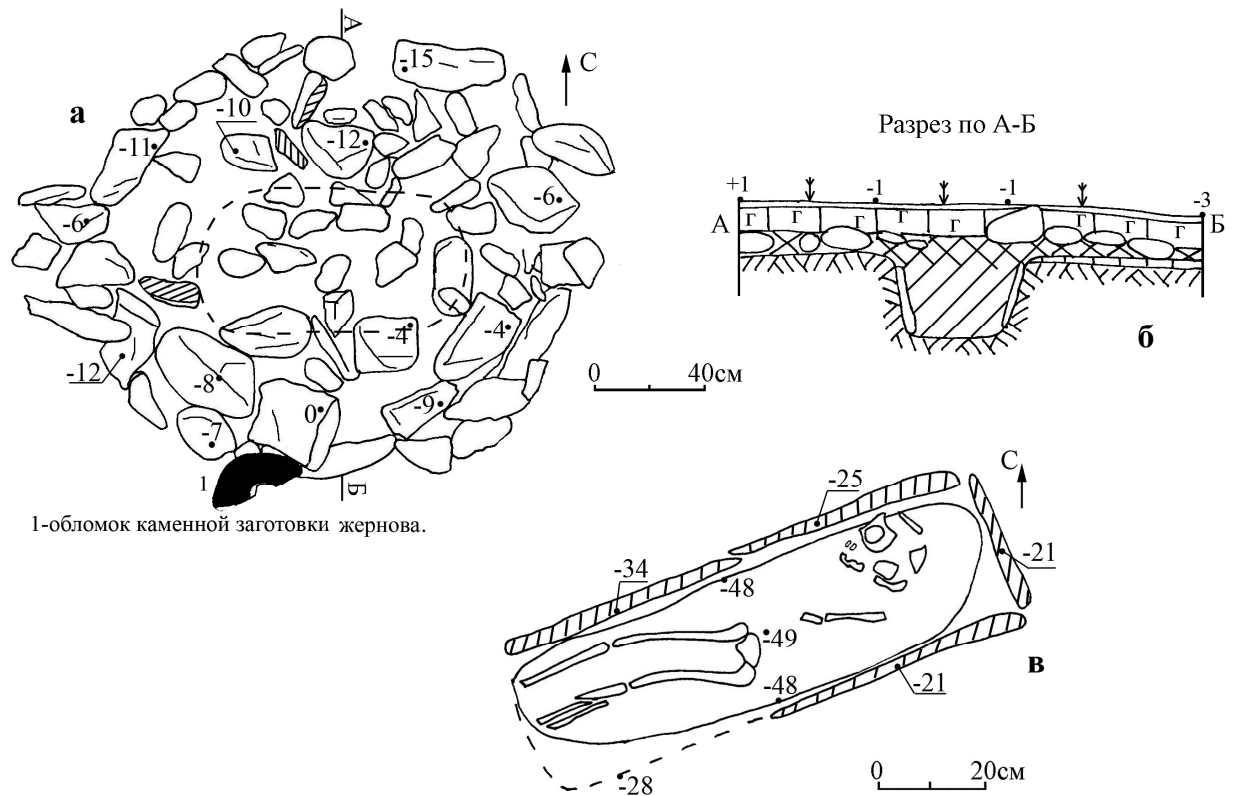

Рис. 12. Могильник Степушка-2. Объект 22. План и профиль насыпи и погребения

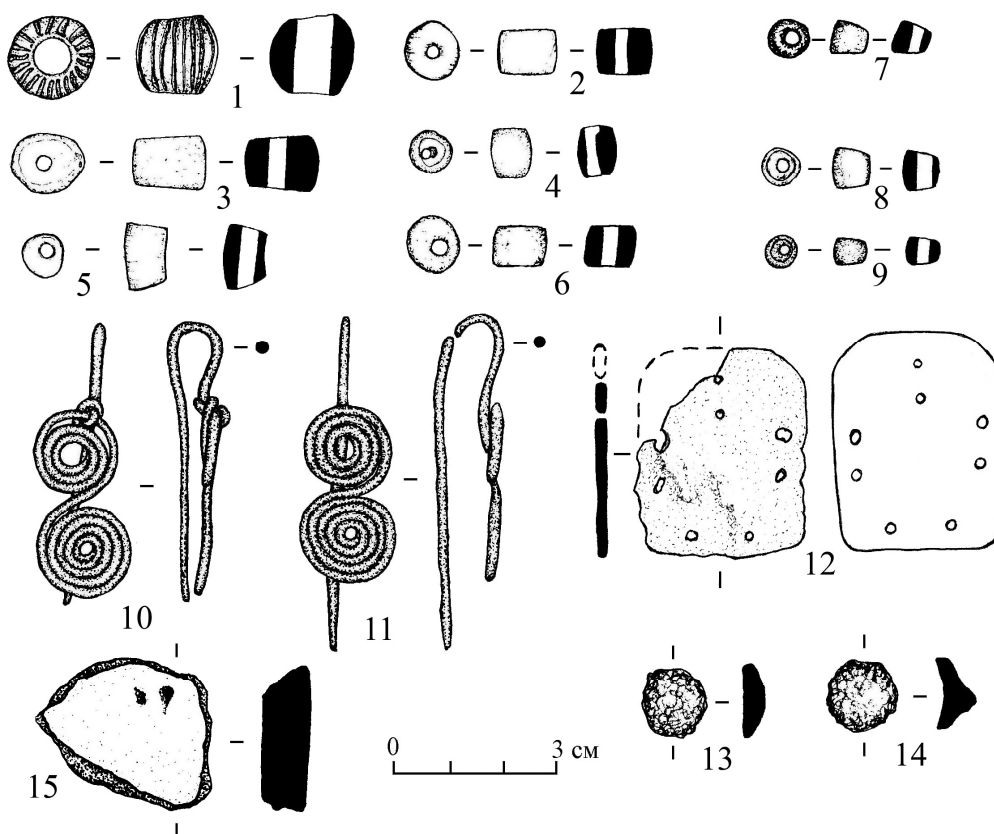

Рис. 13. Могильник Степушка-2. Инвентарь объектов 18а (7), 20 (1–6, 12–14), 21 (15), 22 (8–11):
1–9 – стеклянные и каменные бусины; 10–11 – бронзовые серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей; 12 – железная панцирная пластина и ее реконструкция; 13, 14 – железные бляшки; 15 – фрагмент керамики

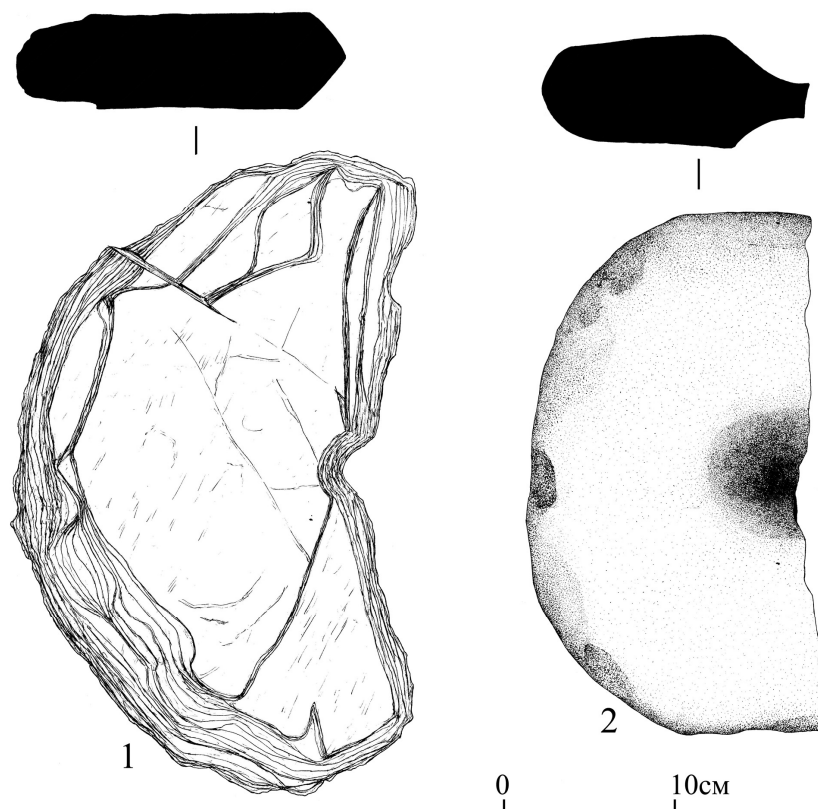

Рис. 14. Могильник Степушка-2. Заготовки жерновов ручных мельниц из насыпей объектов 21 (1), 22 (2).

тированная по линии запад – восток. Размеры ямы 0,95 x 0,35 м, глубина – 0,3 м. В яме зачищен каменный ящик, перекрытый плоскими окатанными и рваными камнями. На дне ящика обнаружен костяк ребенка шести лет, положенного вытянуто на спину. Сохранились кости черепа, трубчатые кости и кости таза. Погребенный ориентирован головой на северо-восток. Под черепом погребенного найдены несколько бусинок и две серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей (рис. 13.8–11).

Еще в одном кургане (объект 12) была зафиксирована небольшая могильная яма, не содержащая захоронение. В ней найдены фрагменты черешкового железного наконечника стрелы. Возможно, это была детская могила, скелет в которой полностью истлел, либо это был кенотаф. Предположение, что в могиле детский скелет мог полностью истлеть, подтверждается тем, что большинство костяков в детских погребениях сохранились фрагментарно. К примеру, в объекте 21 сохранились лишь небольшие фрагменты черепа, а в объектах 16, 18 и 18а сохранились лишь черепа и фрагменты трубчатых костей. Плохая сохранность детских костяков объясняется особенностями костей не до конца сформированного детского посткраниального скелета и небольшой глубиной могильных ям. В любом случае, объект 12 мы не можем в полной мере использовать в качестве детского погребения в своих рассуждениях.

Итак, как мы видим, большинство погребений одиночные, только в одном случае ребенок 11 лет был погребен вместе с женщиной. Довольно интересна планиграфия детских погребений. Они располагались группой в центральной части могильника. Лишь одно погребение ребенка десяти лет из объекта 2 (судя по инвентарю, это была могила девочки) находилось на северном краю могильника. Погребение в этом кургане отличалось от остальных западной ориентацией, тогда как все остальные дети на могильнике Степушка-2 были уложены в могилы головой на восток или восточный сектор. Большинство могил детей были расположены с восточной стороны от ряда мужских погребений (объекты 19, 23, 27, 26) и с северной стороны от дет-

ских погребений были могилы мужчин (объекты 10 и 9). С восточной стороны располагалась группа погребений, обозначенная как Степушка-1. Таким образом, детские погребения располагались в центральной части кладбища, в окружении могил взрослых людей.

Надмогильные конструкции детских погребений представлены каменными насыпями, либо кольцами. Объекты, которые мы обозначили как кольца, скорее всего, изначально представляли собой небольшие земляные холмики, обложенные по периметру камнями (объекты 16, 17 и 18). При раскопках группы курганов 18а, 22, 21, 20, расположенных вплотную друг к другу, выяснилось, что каменные насыпи развалились. Поэтому было довольно трудно определить границы отдельных объектов. Погребения совершались под каменной или земляной насыпью в неглубоких ямах. Четыре погребения совершены в каменных ящиках, в остальных объектах внутримогильные сооружения не сохранились. В объекте 17, в котором исследовано парное погребение женщины с ребенком, в изголовье была установлена каменная плита (рис. 5).

Детские погребения различаются содержащимся в них инвентарем. В некоторых был найден довольно представительный материальный комплекс, в других, напротив, вещей не найдено. Из всей группы выделяются погребения в объектах 2, 20 и 22. В этих могилах, судя по инвентарю, были похоронены девочки. В объекте 2 сохранился костяк ребенка десяти лет, при котором найдены подвески из зуба марала и кости, фрагменты железного изделия, костяная туалетная щеточка [Соенов, Константинов, Константинова, 2014, с. 118–119]. В объекте 20, в котором погребен ребенок двух лет, найдены шесть бусин, железные заклепки и панцирная пластина с обломанным углом. В объекте 22, в котором погребен ребенок в возрасте шести лет, обнаружены две бусины и две серьги из бронзовой проволоки со щитком, скрученным в виде двух концентрических спиралей. В других погребениях инвентарь отсутствовал полностью или был немногочисленным. В объекте 18а, где был похоронен ребенок полу-

тора лет, найдена лишь одна бусина. Особо стоит отметить находки обломков двух заготовок каменных жерновов ручной мельницы, зафиксированных при зачистке насыпей курганов 21 и 22. Для изготовления жерновов были использованы разные породы камня.

Обсуждение

Группа погребений, обозначенная как Степушка-2, вместе с группой Степушка-1, как уже отмечалось выше, составляли один могильник булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени. С учетом общего числа погребенных на этом древнем кладбище людей [Соенов, 2010; Кирюшин, Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013], всего здесь было похоронено 12 детей: восемь на западной половине (Степушка-2) и четыре – на восточной (Степушка-1). Детские погребения составляли около пятой части всех погребений (21%), большинство же погребенных оказались мужчинами в возрасте от 14–16 до 50–60 лет. Их доля составляла 59%.

На части кладбища, изученной нами, половина всех детских могил содержала останки индивидов до трех лет (четыре погребения), одно погребение – ребенка шести лет и два погребения – детей в возрасте десяти и одиннадцати лет. Судя по материалам могильника, у этой группы населения основная смертность детей приходилась на первые три года жизни. По мнению некоторых исследователей, известные нам археологические памятники (могильники) не могут в полной мере отразить реальный уровень детской смертности [Троицкая, 1989, с. 61]. Это мнение может быть подтверждено несколькими фактами. Во-первых, на могильнике не было зафиксировано ни одного погребения грудного ребенка. Даже если принять во внимание то, что костяки грудных детей сохраняются гораздо хуже, все-таки должны были сохраниться погребальные конструкции, в которых могли быть похоронены младенцы. Те объекты, которые условно можно назвать могилами грудных детей (где не зафиксированы остатки или следы скелетов, например, объект 12), слишком малочисленны. Для похорон грудных детей в возрасте до

одного года мог существовать особый погребальный обряд, не фиксируемый археологически.

Детский погребальный обряд на могильнике Степушка-2 представлен обычно одиночной ингумацией, совершенной в неглубоких ямах, в каменных и, возможно, в комбинированных каменно-деревянных ящиках. На Степушке-2 зафиксировано только одно парное захоронение ребенка 11 лет со взрослой женщиной. На Степушке-1 также отмечено одно парное погребение, где были похоронены ребенок и убитый мужчина [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013, с. 260, 262, рис. 3–7; 6]. Почти все дети, погребенные на могильнике Степушка-2, были уложены головой на восток, только костяк ребенка в объекте 2 имел ориентировку головой на запад. На Степушке-1 два исследованных погребения, содержавшие костяки детей, имели западную и два – восточную ориентировку [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013, с. 262, 263].

Концентрация основного числа детских погребений в центральной части могильника связана с традицией обособления детских могил. Так, в долине р. Катунь известен могильник Бике-I, на котором исследованы почти два десятка курганов только с погребениями детей 10–14 лет и грудного возраста [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 89]. Этот могильник также относится к булан-кобинской культуре и хронологически близок погребениям могильника Степушка-2. Конечно, захоронение детей отдельно от взрослых не было обязательной традицией, поскольку детские погребения, как мы видим, совершались и вместе со взрослыми. Тем не менее, тенденция обособления детских могил на некрополе проявляется отчетливо.

Инвентарь, обнаруженный в детских могилах, относится к разным категориям – предметы вооружения, орудия труда, украшения и предметы туалета. **Предметы вооружения** представлены единственной находкой – панцирной пластиной из объекта 20 (рис. 13.12). Пластина относится к доспеху ламеллярной структуры. Самые ранние железные пластины ламеллярного доспеха на Алтае найдены в могильнике

Яломан-II в ранней группе погребений (II–I вв. до н. э.) [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83–84], однако их широкое распространение произошло в III–V вв. н. э. [Горбунов, 2003, с. 39]. По форме и пропорциям эта пластина наиболее близка пластинам, относящимся к типам 2, 3 и 4, по классификации В.В. Горбунова [там же, рис. 30], однако по количеству отверстий не имеет аналогий в указанной сводке. Пластины этих типов были распространены на больших пространствах от Восточной Азии до Восточной Европы с III в. до н. э. по XIV в. н. э. [там же, с. 42–44].

Интересен тот факт, что на могильнике Степушка-2 пластина найдена в погребении ребенка двух лет. На могильнике Ближние Елбаны-XIV (Верхнее Приобье), относящемся к одинцовской культуре, панцирная пластина также была помещена в могилу ребенка [Грязнов М.П., 1956, с. 104; Горбунов, 2003, с. 10]. Среди алтайских материалов стоит отметить находки двух панцирных пластин, зафиксированных в курганах 57 и 61 могильника Яломан-II, в которых были погребены женщины. Эти погребения отнесены к ранней группе погребений памятника и датированы II–I вв. до н. э. [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83–84]. По мнению авторов, пластины могли выполнять «охранительные или другие функции».

Орудия труда. В насыпях курганов 21 и 22 найдены сломанные заготовки (вотивные копии?) каменных жерновов ручной мельницы (рис. 14). Один жернов был выполнен из сланца (курган 21), другой из песчаника (курган 22). Жернова были сломаны пополам. Вторая половина жернова с насыпи кургана 22 изъята с раскопа жителем г. Новосибирска. Она еще не возвращена, поэтому мы пока располагаем только фото.

Жернова ручных мельниц найдены на археологических памятниках Алтая, датированных разными периодами от раннескифского времени до средневековья [Молодин, Бородавский, 1994; Соенов, 2003; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 63–69]. Как правило, они зафиксированы в надмогильных конструкциях – на насыпи или в крепиде [Молодин, Бородавский, 1994]. Эти предметы никогда не помещались в могильные ямы.

Что касается памятников гунно-сарматского времени, то можно отметить, что до настоящего момента ручных мельниц в них не было зафиксировано. Ранее были только известны случаи обнаружения зернотерок, поэтому жернова со Степушки-2 – это первые находки данной категории, найденные на некрополе. Что касается поселений, то жернов ручной мельницы найден в верхнем слое поселения Тыткескень-3, первоначально отнесенный к раннему средневековью [Кунгуров, 1994], сейчас же датируемый первой половиной I тыс. н. э.

Серия находок земледельческих орудий известна и в других памятниках гунно-сарматского времени. Например, железный серп найден в насыпи кургана 10 могильника Кок-Паш, относящегося к предтюрокскому времени [Бобров, Васютин, Васютин, 2003, с. 175, рис. 6–19]. В насыпях курганов кокзельской культуры Тувы также встречаются серпы, известны находки жерновов и их заготовок [Грач, 2010, с. 33; Самбу, 2010, с. 41]. Стоит отметить, что на могильнике Степушка-2 на курганной насыпи объекта 40, в котором был погребен мужчина с лошадью, был найден курант зернотерки.

Орудия труда, связанные с земледелием (жернова ручных мельниц, зернотерки, серпы), не укладывались в могильную яму. Вероятно, по представлениям коллектива, хоронившего своих умерших людей, эти орудия не имели или не должны были иметь связь с загробным миром. Земледельческие орудия являются символом плодородия и продолжения жизни, поэтому они находятся на поверхности, а не в могиле. Скорее всего неслучаен и тот факт, что заготовки жерновов обнаружены на насыпях курганов именно с детскими погребениями. Возможно, используя эти изделия в ритуалах во время погребения или поминок ребенка, члены его семьи надеялись на рождение нового ребенка, который благополучно вырастет, в отличие от умершего и похороненного в данной могиле.

Украшения и детали костюма. При изучении детских погребений на памятнике Степушка-2 получена довольно представительная коллекция украшений, аналогии

которым имеются в разных памятниках Алтая гунно-сарматского времени. Так, серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей из бронзовой проволоки, подобные изделиям из объекта 22 (рис. 13.10, 11), известны на памятниках гунно-сарматского времени Алтая [Трифанова, 2004]. Аналогичные серьги найдены в кургане 10 могильника Чендек [Соенов, Эбель, 1992, рис. 13–1], в кургане 5 могильника Катанда-I [Захаров, 1926, с. 78, табл. II – 5; Гаврилова, 1965, рис. 4–1], в кургане 48 могильника Курайка [Соенов, Эбель, 1998, рис. 10–2], в нескольких погребениях могильника Айрыдаш-1 (раскопки А.С. Суразакова). Серьги близких форм зафиксированы на могильниках Бике-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 68–69, рис. 31–15] и Улуг-Чолтух [Худяков, 2014, рис. 6–3]. Подобные серьги находились и на некоторых других памятниках, но эти материалы пока остаются неопубликованными.

Все могильники, на которых найдены серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей, относятся ко второй четверти I тыс. н. э. Следовательно, эта категория находок может служить хронологическим маркером. Так, предварительная нижняя дата могильника Курайка при помощи дендрохронологического и радиоуглеродного датирования и методической процедуры «wiggle-matching» может быть установлена как 240 г. н. э. [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2007, с. 47], что не противоречит археологической датировке [Соенов, Эбель, 1998, с. 126]. Верхнюю дату распространения пока точно установить не удастся, однако известно, что в памятниках тюркского времени такие серьги не отмечены. То есть пока верхнюю границу можно ограничить V в. н. э., а в целом хронологию серег со щитком в виде двух концентрических спиралей обозначить в рамках III–V вв. н. э. В дальнейшем хронологические границы, думаем, удастся несколько сузить, скорректировав верхнюю дату бытования в сторону удревнения.

Другие категории украшений, найденные в детских погребениях могильника Степушка-2, представлены бусинами и подвесками (рис. 2. 2–5, 8–11; 13. 1–9). Похожие бусы и подвески имели широкое

распространение, поэтому у них пока нет узких хронологических рамок. С точки зрения семантики погребального обряда нужно отметить, что в древних и традиционных обществах украшения выполняли охранительные функции [Трифанова, 2006, с. 9].

Предметы туалета. Туалетные щеточки, аналогичные изделию из объекта 2 могильника Степушка-2 (рис. 2. 7), – характерная находка для археологических памятников гунно-сарматского времени Южной Сибири [Митько, 2005; Соенов, Константинов, Константинова, 2014]. На территории Алтая костяные щеточки известны в материалах могильников буланкобинской культуры Белый Бом-II [Глоба, 1983, табл. V–1, 2], Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1990, рис. 23–1; 26 – 3; 37– 4], Верх-Уймон [Соенов, Эбель, 1992, с. 26, рис. 42–13], Айрыдаш-1 [Соенов, Константинов, Константинова, 2014], а также на городищах майминской культуры Нижний Чепеш-3 [Соенов и др., 2011, с. 31, рис. 50–2] и Курлап [Скопинцева, 2011, рис. 2–1]. Судя по всему, щеточки данного типа имели распространение на территории Саяно-Алтая в рамках первой половины I тыс. н. э. Гигиенические щеточки несколько другой конструкции распространились на территории Южной Сибири и Центральной Азии в первой половине II тыс. н. э. [Кызласов Л., 1969, табл. IV–23, 24; Кызласов И., 1981, с. 206; Крадин и др., 2011, с. 151–152; Соенов, Константинов, Константинова, 2014, с. 120]. Таким образом, данные туалетные щеточки использовались на Алтае только в гунно-сарматское время, а с началом тюркского времени вышли из употребления.

В большинстве случаев алтайские щеточки находились в погребениях с женским инвентарем, за исключением изделия из могильника Верх-Уймон, где щеточка располагалась в мужском воинском погребении с лошадью. В сопредельных с Алтаем регионах щеточки найдены при женских костях [Грач, 1960, рис. 37; Вадецкая, 1999, с. 272]. Туалетная щеточка на могильнике Степушка-2 находилась в погребении девочки 10 лет. Ее возраст уже довольно близок к подростковому возрасту (с 12 лет), когда девушки обычно выходили замуж в древних и традиционных общест-

вах. К тому же объект 2 выделяется от остальных детских могил расположением на краю могильника, в некотором отдалении от группы детских погребений. Противоположная (западная) ориентация погребенной девочки дополнительно подчеркивает ее отличие от остальных детских погребений.

По относительной многочисленности и «богатству» инвентаря выделяются объекты 2, 20 и 22. Как уже указывалось выше, в объекте 2 была похоронена девочка десяти лет. В этом случае особенности погребального инвентаря можно было объяснить ее возрастом, близким к периоду, когда девушки начинали выходить замуж. В объекте 22 ребенок шести лет был погребен с двумя серьгами и бусинками, а на насыпи этого кургана была найдена сломанная половина жернова. В объекте 20 ребенок двух лет был похоронен с ожерельем из шести бусин, с железными изделиями и панцирной пластиной. Наличие такого инвентаря может свидетельствовать о более высоком социальном статусе родителей. Хотя не исключаются и индивидуальные качества самого индивида: например, погребение именно этого ребенка по каким-то причинам должно было сопровождаться более ценными дарами – ожерельем, панцирной пластиной и др.

Заключение

Таким образом, на могильнике Степушка-2, относящемся к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени Алтая, было исследовано восемь детских погребений. Большинство из них находилось в центральной части могильника. Погребения совершались под небольшими каменными или каменно-земляными насыпями. Чаще всего детские погребения представлены одиночной ингумацией, только в одном случае зафиксировано парное погребение ребенка с женщиной. Все дети были уложены головами на восток, лишь одно погребение девочки предподросткового возраста ориентировано на запад.

Среди материалов детских погребений были встречены вещи, редкие для остальных могил. В первую очередь, стоит отметить находки панцирной пластины и обломки каменных жерновов ручной мельни-

цы. Для памятников булан-кобинской культуры панцирные пластины довольно редкая находка, возможно, из-за высокой ценности доспеха. Самые ранние случаи обнаружения железных панцирных пластин на Алтае зафиксированы в женских погребениях могильника Яломан-II. Скорее всего, погребенные женщины доспехом не пользовались, а пластины были положены с какими-то охранительными целями [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 84]. В памятниках Алтая предтюркского времени также известны находки частей панцирей, которые находились в погребениях взрослых людей [Сенцов, 1997; Горбунов, 2003; Бобров, Васютин, Васютин, 2003, с. 45; Тишкин, Горбунов, 2012]. На Степушке-2 пластина находилась в погребении ребенка двух лет, поэтому нереально использование доспеха умершим при жизни. Находки панцирных пластин в женских и детских погребениях свидетельствуют, что эти вещи наделялись некими качествами, необходимыми в каких-то случаях для проведения погребального обряда женщин и детей.

Жернова встречены впервые среди материалов погребальных памятников булан-кобинской культуры. Как указывалось выше, они находились на насыпях курганов. Части ручных мельниц, как и другие вещи, связанные с земледелием, не укладывались в могильную яму. Фиксируя зернотерки и жернова на насыпях, многие исследователи считали такие находки более поздними подношениями, совершенными в этнографическое время. Однако в некоторых случаях жернова фиксировались в таких контекстах, что принадлежность их к одному времени с погребением не вызывает сомнений [Молодин, Бородавский, 1994]. Очевидно, что использование жерновов ручных мельниц, зернотерок, серпов в погребальном обряде было устойчивой традицией у населения Алтая и сопредельных регионов. В то же время несомненно, что такие вещи укладывались в каких-то особых случаях. Можно предположить, что в данном эпизоде необходимость использования жерновов в погребальном обряде могла быть вызвана высокой смертностью детей.

По нашему мнению, именно эти две категории вещей (панцирные пластины и

жернова) на могильнике Степушка-2 наиболее явно демонстрируют особое отношение населения Алтая гунно-сарматского времени к смерти детей. С глубокой древности образ женщины и ребенка был связан с продолжением жизни. Для благополучного воспроизводства потомства необходимы были некие особые действия во время погребального обряда, что и способствовало расположению этих изделий в детских могилах некрополя. Это подтверждается и находками украшений, выполнявших охранительные функции.

Итак, рассмотренная серия детских погребений демонстрирует особое отношение

населения Алтая гунно-сарматского времени к детской смертности. Скорее всего, некоторые ритуалы, проводимые при погребении умерших детей, были направлены на благополучное воспроизводство нового потомства. Также обращает на себя внимание тот факт, что на могильнике отсутствовали младенческие погребения. Возможно, это объясняется особым погребальным обрядом, применявшимся при похоронах умерших младенцев.

Статья поступила 14.05.2015 г.

Библиографический список

1. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
2. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.: ИИМК РАН, 1999. 440 с.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
4. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.
5. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : АлтГУ, 2006. Ч. 2. 174 с.
6. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 79–85.
7. Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и рекогносцировочные исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.-Л.: АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.
8. Грач А.Д. Могильники Улуг-Оймак II, Куйлуг-Хем I и Алды-Бель I // Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб. : Электис, 2010. С. 31–38.
9. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 71–106.
10. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Материалы VII региональной науч.-практ. конф., посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25–26 ноября 2010 г. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
11. Крадин Н.Н., Ивлев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилин С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтологой-балгас. М.: Вост. лит., 2011. 173 с.
12. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–94.
13. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул : АлтГУ, 1994. С. 43–58.
14. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 200–207.

15. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 211 с.
16. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: дис...канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
17. Митько О.А. К вопросу о таштыкских кожаных колчанах // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : НГУ, 2005. С. 70–79.
18. Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. 1994. № 4. С. 72–79.
19. Самбу И.У. Могильники Ортаа-Хем I, II и Темир-Суг I // Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: Элексис, 2010. С. 39–45.
20. Скопинцева Г.В. Проблема этнокультурного развития населения предгорного и Горного Алтая в раннем железном веке и раннем средневековье // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011. С. 225–231.
21. Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. Вып. 7. С. 42–57.
22. Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // Российская археология. 1997. № 4. С. 181–185.
23. Соенов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : АлтГУ, 2003. С. 169–172.
24. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
25. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.
26. Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. № 3. С. 113–135.
27. Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011. 228 с.
28. Соенов В.И., Константинов Н.А., Константинова Е.А. Туалетные щеточки в памятниках майминской и булан-кобинской культур Алтая (первая половина I тыс. н. э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : Материалы V Междунар. науч. конф. г. Кызыл. 15–19 сентября 2014 г. Кызыл : ТувГУ, 2014. Ч. I. С. 118–122.
29. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
30. Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. (Археология, этнография, устная история). Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 122–125.
31. Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии sarcophagidae в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2014а. № 1 (9). С. 61–73.
32. Соенов В.И., Трифанова С.В. Погребение с пупариями мясных мух (вторая половина III – первая половина IV в. н. э., некрополь Степушка-2, Алтай) // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. III Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Международный научный центр «Сфера общественных наук», 2014б. С. 99–101.
33. Соенов В.И., Трифанова С.В. Необычное парциальное погребение на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Алтай) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. 2–3 октября 2014 г. Москва : Институт стратегических исследований, 2014в. С. 95–97.

34. Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения : монография. Барнаул : АлтГУ, 2007. 232 с.
35. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. до н. э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии : материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул : АлтГУ, 2012. С. 55–59.
36. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 258–279.
37. Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004. № 12. С. 92–95.
38. Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006. 22 с.
39. Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск : НГПИ, 1989. С. 59–68.
40. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология : учебник. 4-е изд. М.: МГУ; Наука, 2005. 400 с.
41. Худяков Ю.С. Женские украшения у населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 107–114.

Сведения об авторах

Соенов Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, тел.: +7 (913) 697-88-12, e-mail: soyonov@mail.ru.

Soenov Vasily Ivanovich, PhD, head of Research Centre for history and culture of the Turkic peoples of Gorno-Altai State University, senior lecturer. A. Lenkina str. 1, Gorno-Altai, Russia, 649000, tel.: +7 (913) 697-88-12, e-mail: soyonov@mail.ru.

Константинов Никита Александрович, кандидат исторических наук, заведующий Музейным комплексом Горно-Алтайского государственного университета, 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, тел.: +7 (913) 990-34-94, e-mail: museum@gasu.ru, nikita.knstntnv@yandex.ru.

Konstantinov Nikita Aleksandrovich, PhD, Head of Museum complex of Gorno-Altai State University, A. Lenkina str. 1, Gorno-Altai, Russia, 649000. tel.: +7 (913) 990-34-94, e-mail: museum@gasu.ru, nikita.knstntnv@yandex.ru.

Трифанова Сынару Вениаминовна, кандидат исторических наук, руководитель отдела исторических наук Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, тел.: +7 (913) 998-57-97, trifanovasv@mail.ru.

Trifanova Synaru Veniaminovna, PhD, head of department of historical science of Research Centre for history and culture of the Turkic peoples of Gorno-Altai State University. A. Lenkina str. 1, Gorno-Altai, Russia, 649000, tel.: +7 (913) 998-57-97, e-mail: trifanovasv@mail.ru.